

ПОРОЖДЕНИЕ НИЛА

АРХИТЕКТОР НИКОЛАЙ
БЕЛОУСОВ РАССКАЗАЛ
О СВОЕМ ДОМЕ В ПОДМО-
СКОВНОМ ПОСЕЛКЕ НИЛ,
В КОТОРОМ С 1930-Х ГОДОВ
НЕ ТАК УЖ МНОГО
ИЗМЕНИЛОСЬ.

«Е сли есть в этом мире место, которое я называю родиной, и с большой и с маленькой буквы, то это наша дача в НИЛе, — такими словами начинает свой рассказ Николай Белоусов. — Там на террасе стоит старый дубовый стол, на котором пеленали четыре поколения нашей семьи. И лампа была с тем же абажуром, и кресло скрипело так же, и сад шумел». Первое свое лето на даче семья прожила в 1935-м, отцу Николая, Владимиру Белоусову, как раз исполнилось семь лет, а его младшая сестра Наталья (будущая жена Александра Ширвиндта) только родилась. Строил дом прадед Николая Владимир Семенов — главный архитектор Москвы, автор генплана 1935—1937 годов. Поселок НИЛ (Наука. Искусство. Литература) тогда был вообще «архитектурной вотчиной» — его придумали три великих зодчих: Виктор Веснин, один из самых последовательных русских конструктивистов-мечтателей, Георгий Гольц, автор шлюза на Яузе, большого Устьинского моста и блестящий театральный художник, и Моисей Гинзбург, работами которого восхищался Ле Корбюзье. Все вместе они решили построить для себя, близких друзей и просто приятных людей «город-сад» в виде небольшого дачного поселка. Автором плана стал Веснин — на высоком берегу Малой Истры были нарезаны участки в гектар и полгектара каждый, а все фасады должны были быть обращены на широкий променад, который шел по самому краю оврага. Вдоль него росла (и до сих пор растет) дикая клубника и цвели ромашки («размером с кулак», по словам Белоусовых), а вокруг наступал дикий еловый и сосновый лес. Более буколичный среднерусский пейзаж и представить себе было сложно. И хотя все пошло не совсем так, как задумывал Веснин, — оползни не позволили полноценно использовать высокий променад, — но сама идея

«ЕСЛИ ЕСТЬ НА СВЕТЕ МЕСТО, КОТОРОЕ Я НАЗЫВАЮ РОДИНОЙ — И С БОЛЬШОЙ И С МАЛЕНЬКОЙ БУКВЫ, — ТО ЭТО НАША ДАЧА В НИЛЕ. ЗДЕСЬ РАСТЕТ И ЦВЕТЕТ ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ НАШЕЙ СЕМЬИ».

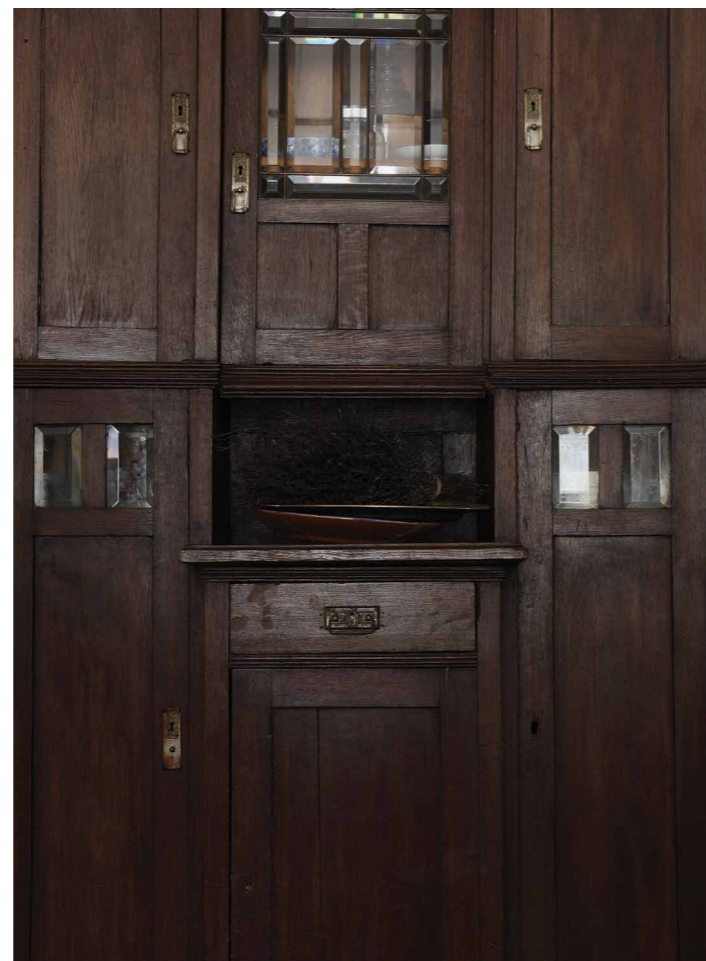

PHOTO: Михаил Степанов

дачного поселка, построенного по внятному архитектурному плану, оказалась не просто новаторской, но и совершенно рабочей. За прошедшие восемьдесят лет здесь практически ничего не поменялось. «Об этом никогда вслух не говорилось, — объясняет Белоусов. — Но место для НИЛа было выбрано по принципу «чем дальше от власти, тем лучше». В это время как раз Сталин переехал на Ближнюю дачу, и все стали активно заселять Николину Гору и то направление, а прадед мой поспешил в другую сторону, на Истру. Здесь была страшная глухомань — по одноколеечке было добираться больше трех часов, асфальт кончался в Тушино, а дальше шла только щебенка. Поселиться в таком месте казалось чистым безумием, но человека, прошедшего англо-бурскую войну и бравшего в плен Черчилля, такие глупости не могли остановить». Не мешал ему и дефицит строительных материалов. «Леса

было не достать, хотя он и рос кругом, но рубить его было никак нельзя — народное достояние. Потому бревна для сруба нашли так: неподалеку строили истринское водохранилище, и несколько деревень шли под затоп. Прадед выкупил один из домов за символические деньги, разобрал, перевез сюда и сложил новый дом». Остальные архитекторы тоже крутились как могли. Веснин хотел устроить себе перголу с выходом на овраг — с его участка открывался чудесный вид на Новый Иерусалим, — для этого поставил один сруб на другой, но не доделал, и конструкция получилась довольно нелепой на вид. Гольц тоже соорудил себе простой деревенский дом, на который взгромоздил странную композицию из бревен. «В общем, у всех остальных жителей НИЛа дома были добротные и удобные, потому что для их строительства они наняли специалистов, а у академиков архитектуры — черт-те что».

«ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ НИЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ ПОСТРОИЛИ СЕБЕ ДОМА ДОБРОТНЫЕ И УДОБНЫЕ, А ТРИ АКАДЕМИКА АРХИТЕКТУРЫ СООРУДИЛИ КАКИХ-ТО СВЯЩЕННЫХ ЧУДОВИЩ ИЗ ПОДРУЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ».

PHOTO: Михаил Степанов

**«ТРИ ГРАЦИИ» —
СТАРЫЕ ПОДРУ-
ГИ МОЕЙ БАБУШ-
КИ. СПУСКАЛИСЬ
К ЗАВТРАКУ В БЕЛЫХ
ПЛАТЯХ, С УЛО-
ЖЕННЫМИ ВОЛОСА-
МИ И СОВЕРШАЛИ
ПРОМЕНАД
ПОД КРУЖЕВНЫМИ
ЗОНТИКАМИ.
ДЛЯ ПИОНЕРА
С СОВЕТСКИМ ДЕТ-
СТВОМ ЭТО БЫЛО
ЕЩЕ ТО ЗРЕЛИЩЕ».**

Строился дом два года и не по проекту, а по возможностям. Был он летний, ничем не утепленный и отапливался печью. Из удобств предусмотрена была умывальня с ночным горшком и небольшая комната с дырявым дощатым полом, где все мылись, поливая друг друга из кувшина водой, которая подогревалась на керосинке. В доме сразу поселилось много людей. «Кроме трех поколений Семеновых-Белюсовых я застал еще «трех граций», они жили в комнатах на втором этаже. Одну звали Наталья Моисеевна Муромцева, в девичестве Саарбекова. Ее отцу принадлежали часть бакинских приисков, ее первый муж был сыном председателя Государственной думы, второй — поставщиком молока для императорского двора, а сама она обожала матерные анекдоты и сплетничать по телефону-автомату. Судьба ее была незавидна: в двадцатом году, в преддверии тяжелой зимы, она отправила трех своих дочерей к родственникам во Францию, а сама осталась в Москве с больным сыном. В следующий раз они увиделись только в 1964-м. В Советском Союзе долгое время ей работы не находилось (только посудомойкой), до тех пор пока не стали вести переговоры с французами по поводу цветного телевидения, тогда и выяснилось, что такого уровня переводчиков, как Наталья Моисеевна, днем с огнем не сыщешь. Второй грацией была Наталья Францевна, которая была женой одного из дедушкиных братьев, потом ушла от него к наркомку, а когда того расстреляли, то вернулась в семью. А третья — крестная моего отца Мария Александровна, вдова писателя Свирского. И вот эти чудесные дамы спускались с утра на террасу в длинных белых платьях, с уложенными волосами, в перчатках и чулках, ели свои вареники с вишней, а потом отправлялись на променад по участку под кружевными зонтиками. Для меня, пионера с совершенно советским детством, это было то еще зрелище».

Ближайшим соседом Белоусовых был мхатовский актер Леонидов — сибарит и бонвиван, у которого было вокруг дома построено четыре террасы, где он все лето пил чай из никогда не остывающего самовара. Одна из самых забавных историй, связанных с Леонидовым, произошла, когда Семенов с друзьями по привычке старого охотника решил потренироваться в стрельбе в овраге, разделяющем их с Весниним участки. Чей-то выстрел срикошетил, и дробь попала в бедро одной из невесток архитектора, а та, испугавшись, вызвала милицию. Юный оперуполномоченный приехал из соседнего городка на мотоцикле с коляской и попал в мир академиков, прославленных музыкантов и народных артистов, которые никак не хотели серьезно отнестись к проблеме, но и преступниками совсем не выглядели. Сломался он окончательно на показаниях Леонидова, который на вопрос, стреляют ли у Семеновых, хорошо поставленным голосом сказал: «Да постоянно стреляют! Я тут сижу, чай пью, а пули так и свистят, так и свистят». Вокруг дома был разбит роскошный яблоневый сад и посажены цветы. «За это великолепие отвечали бабушка и дедушка, а все дети у них были на побегушках: окапывали яблони, срезали траву лопатами, посыпали дорожки. Розы, диковинные черные гладиолусы, каллы — чего только у нас ни росло. Весь поселок ходил к нам, как в Дом культуры». Но большая часть участка площадью в гектар была покрыта настоящим лесом. «Сейчас мы держим его в состоянии английского полузаброшенного парка, а в моем детстве был просто сплошной бурелом. Мы с Мишей Ширвиндтом, двоюродным братом и постоянным дачным товарищем, ходили по нему в походы. С утра нас снаряжали рюкзаками с провизией, мы полдня шли по участку, устраивали бивуаки, разводили костры, а к полднику возвращались грязные, довольные и абсолютно счастливые».

Одним из самых любимых ниловских развлечений был волейбол. Каждые выходные устраивались турниры, которые собирали местное население всех возрастов: «Бабушки, дедушки, женщины с колясками — это был такой клуб по интересам, который никак нельзя было пропустить». Отдельно собиралась команда музыкантов, которых называли «смычковые». С ними играли по особым правилам, без верхних подач: например, смычковым нельзя было повредить руки, поэтому над ними посмеивались, но входили в положение».

Но самое интересное и в НИЛе, и в жизни семьи Белоусовых, что прошедшее время, которое употреблено в описании этих буколичных дачных картин, совсем неверно. В поселке до сих пор играют в волейбол, до сих пор собирают детские праздники на сорок человек, с шарадами и домашними спектаклями, до сих пор гоняют на машинах по лесу и рассказывают истории под старым абажуром на террасе. «Здесь удивительный микроклимат, — говорит Николай. — Я вижу, как моя шестилетняя внучка общается с теми же людьми, с которым рос я, и с их внуками, разумеется. А у моих далеко немолодых родителей живы и все так же остры на язык друзья детства. Мы все знакомы друг с другом сорок, пятьдесят, шестьдесят лет, так что не надо ни пытаться произвести впечатление, ни рассказывать о себе, можно просто делать и говорить то, что действительно интересно и нужно. А те новые люди, которые все-таки появляются в поселке, очень быстро включаются в общую круговерть и тоже становятся своими».

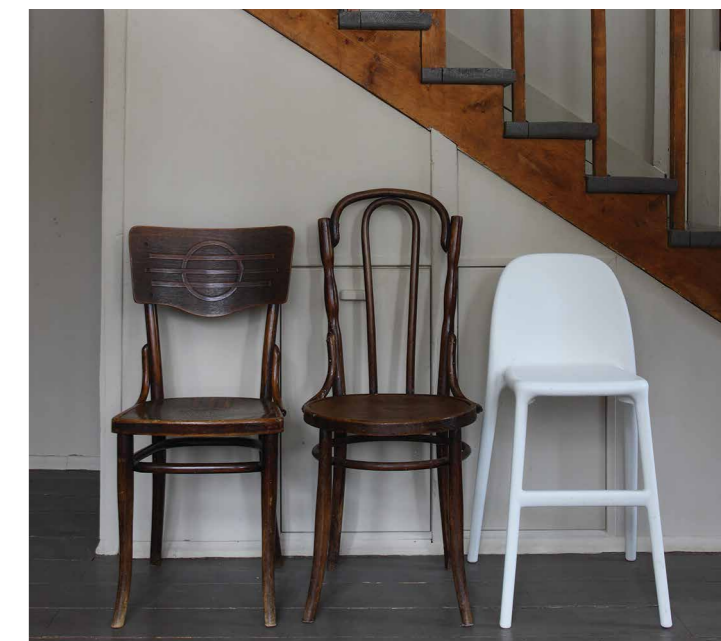
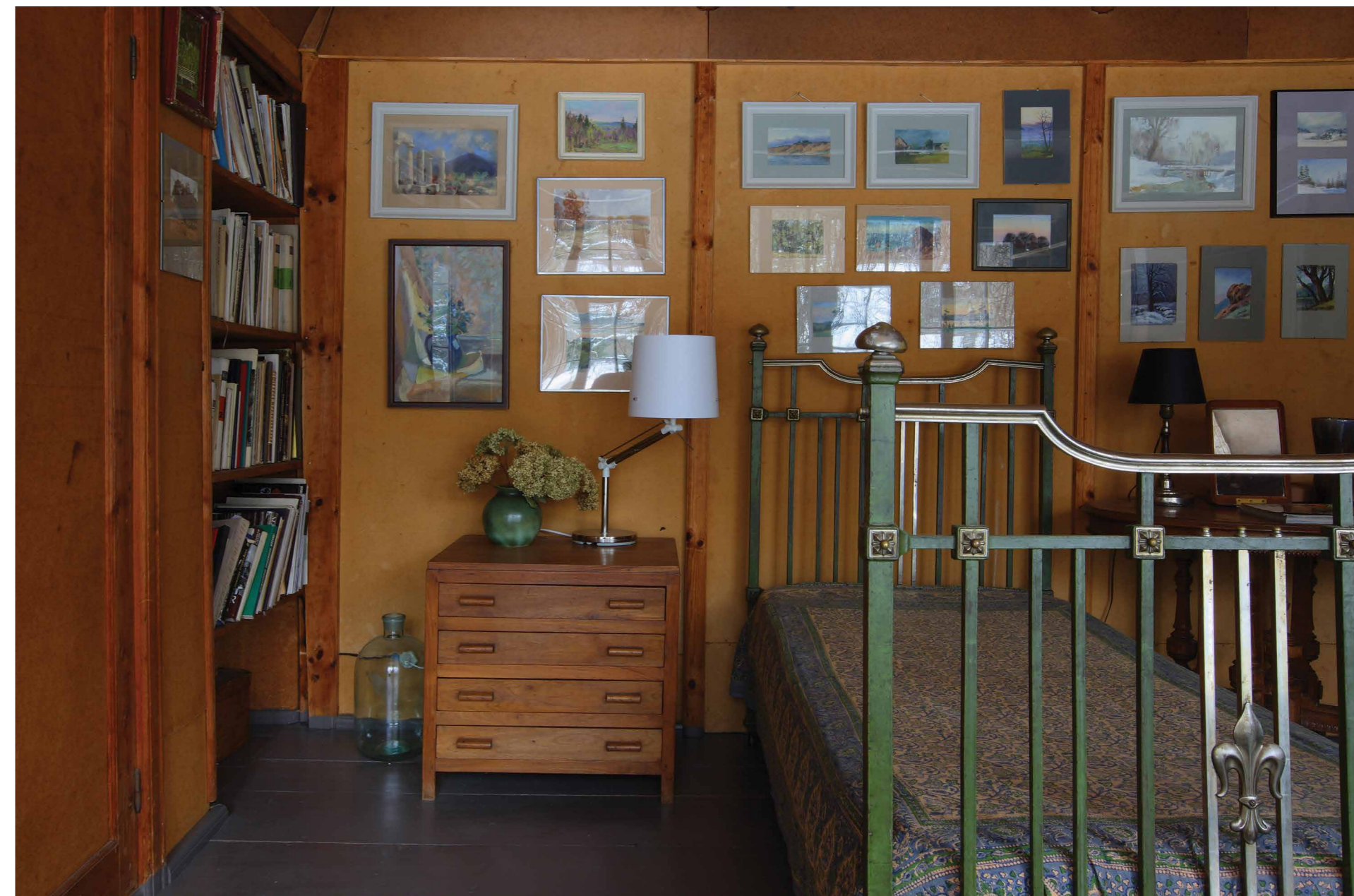
Секрет такой удивительной консервации Белоусов видит во вполне бытовых вещах. НИЛ стоит на отшибе от больших трасс, до него до сих пор не слишком удобно добираться. В нем до самого последнего времени не было газа и зимнего водопровода. И из-за овражистой местности проехать туда

могут только полноприводные машины («раньше у всех были «Нивы», теперь обзавелись джипами»). «Нас эти бытовые трудности никогда почему-то не смущали. Вот мама моя приехала из Малаховки, где были настоящие подмосковные «светские» дачи, на них даже телефоны водились. Ей, конечно, поначалу пришлось сильно перестраивать свое представление о том, откуда берется вода (из колодца за полкилометра), или учиться, как протопить промерзший дом. Но к моему рождению все уже эти премудрости отлично освоили».

Несколько лет назад к Белоусовым цивилизация все же пришла — дом утеплили, провели все необходимые коммуникации, построили баню. «Мы очень боялись браться за ремонт, — говорит Белоусов. — Боялись вспугнуть дух места. Поэтому ко всему подошли очень тщательно. Реставрируя террасу, так долго подбирали ультрамаринную краску один в один, что, когда Александр Ширвиндт приехал после ремонта на дачу, он не увидел разницы. Моя жена Оля искала ткани для переобивки старой мебели — чтобы не выбивались из времени. Всей семьей долго спорили вокруг печки-камина. Он был весь расписан поколениями детей, которые рисовали, оставляли на нем записочки и отмечали свой рост. По отдельности все было очень мило, а вместе превратилось в какое-то месиво, с которым надо было что-то делать. Правильный цвет нашелся где-то после пяти утра и нескольких бутылок вина. В результате главной похвалой нашим усилиям стали слова родителей: «Спасибо, вы подарили нам весну и осень на даче». И внучки, которая в последнее лето авторитетно заявила: «С домом теперь все отлично, теперь надо сделать грядку и выращивать на ней овощи. Не можем же мы есть то безобразие, которое продается в магазинах». Это будет что-то новое для старого семейного гнезда. Такой сознательный шестилетний генерал ими еще не командовал».

В ПОСЕЛКЕ ДО СИХ ПОР ИГРАЮТ В ВОЛЕЙБОЛ, ДО СИХ ПОР СОБИРАЮТ ДЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ НА СОРОК ЧЕЛОВЕК, С ШАРАДАМИ И ДОМАШНИМИ СПЕКТАКЛЯМИ, ДО СИХ ПОР ГОНЯЮТ НА МАШИНАХ ПО ЛЕСУ И РАССКАЗЫВАЮТ ИСТОРИИ ПОД СТАРЫМ АБАЖУРОМ.

PHOTO: Михаил Степанов

МИЛА И ВОКА

РОДИТЕЛИ НИКОЛАЯ БЕЛОУСОВА СЕЙЧАС ПРОВОДЯТ НА НИЛОВСКОЙ ДАЧЕ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ. НО У МИЛЫ, ТАК ЕЕ ЗОВУТ В СЕМЬЕ, ЕСТЬ И СВОЯ, ОТДЕЛЬНАЯ ДАЧНАЯ ИСТОРИЯ. ЕЕ ДЕТСТВО ПРОШЛО В МАЛАХОВКЕ, ПОДМОСКОВНОМ ПОСЕЛКЕ, СОХРАНИВШЕМ И ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ ПОЧТИ АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ ШИК. «ДО 1917 ГОДА ЭТО БЫЛО ЧУТЬ ЛИ НЕ САМОЕ МОДНОЕ ДАЧНОЕ МЕСТО. В МАЛАХОВКЕ СНИМАЛИ ДАЧИ БОГАТЫЕ И ПРОСВЕЩЕННЫЕ ЛЮДИ, ТАК ЧТО ТАМ БЫЛ ЗАЛ, ГДЕ ПОКАЗЫВАЛИ КИНО, ЧУТЬ ЛИ НЕ ВПЕРВЫЕ В РОССИИ, ТАМ ВЫСТУПАЛ ШАЛЯПИН, ТЕННИСНЫЕ КОРТЫ И ПЛОЩАДКИ ДЛЯ КРОКЕТА БЫЛИ ЗАПОЛНЕНЫ ДАМАМИ В ШЛЯПКАХ НА ВЫСОКИХ ПРИЧЕСКАХ. ВОТ ТАМ ТО Я И РОСЛА У ТЕТИ, В ДОМЕ С БОЛЬШОЙ БИБЛИОТЕКОЙ, БОГАТОЙ ОБСТАНОВКОЙ, КАНАЛИЗАЦИЕЙ И ДАЖЕ ПРОВЕДЕННЫМ ТЕЛЕФОНОМ. ЭТО БЛАГОЛЕПИЕ, ПРАВДА, НЕ МЕШАЛО МНЕ ВОРОВАТЬ ЯБЛОКИ С СОСЕДСКОЙ ШПАНОЙ – ЭТО Я ПРОДЕЛЫВАЛА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В НИЖНЕЙ ЮБКЕ. ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, КАКИМ ШОКОМ ДЛЯ МЕНЯ БЫЛ ПРИЕЗД В НИЛ, ГДЕ КОЛОДЕЦ ЕДВА ТОЛЬКО ВЫРЫЛИ? ТАМ Я ПОНЯЛА, ЧТО МАЛАХОВКА ЭТО НЕ ДАЧА, ЭТО ТАК, БАЛОВСТВО. А ВОТ – МЕСТО, КУДА ТЫ ДОЛГО ДОБИРАЕШЬСЯ НА ОДНОКОЛЕЙКЕ, ПОТОМ БРЕДЕШЬ ПЕШКОМ И НАКОНЕЦ ДОХОДИШЬ, ЧТОБЫ ОСОЗНАТЬ, ЧТО ТЫ ДОМА».